

Ю. М. Ботяков

**ПРОЯВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
АБХАЗСКОГО СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА
(НА ПРИМЕРЕ СУХУМА)**

I

С момента окончания в 1993 г. грузино-абхазской войны столица Абхазии Сухум становится городом, в котором происходит резкое изменение состава населения. Подавляющая часть горожан грузинской национальности оставляет город, а их место занимают представители сельского, главным образом абхазского, населения. Для части из них приход в город, безусловно, стал вынужденной мерой: многие дома, в основном в селениях восточной Абхазии, находившихся в зоне боевых действий, были полностью разрушены.

Сухум довоенного периода характеризовался низким процентом проживавших в нем абхазов. В качестве примера приведем информацию одного из наших собеседников, который отмечал, что из пятидесяти двух квартир кооперативного дома, где он жил до войны, лишь семь принадлежали абхазским семьям. Не менее важным обстоятельством было также то, что жители абхазской национальности расселялись в городе дисперсно. В этот период времени значительная часть горожан-абхазов была инкорпорирована в жизнь своих родных селений, где они рассматривались как полноправные члены общины со всеми вытекавшими отсюда правами и обязанностями. Это обстоятельство в конечном счете определило незначительное влияние абхазской части населения на внутреннюю жизнь городского соседского сообщества довоенного Сухума.

В повседневной практике горожан существует устоявшаяся традиция разделения территории города на множество районов, имеющих свои названия: Синоп, Келасур, Турбаза, Новый район, Старый поселок, Сухумская гора, гора Баграта, Вокзал, Ки-

нопрокат, Каштак, Маяк, ВИЭМ и т.д. Традиция эта идет еще с дореволюционного периода, хотя часть современных названий появилась в значительно более позднее время. Каждый из перечисленных районов обладает известной самобытностью, проявляющейся в топографических, исторических или иных особенностях. Так, Старый поселок известен жителям столицы не только, как отдаленный от центра район, но и как место компактного расселения сухумских цыган.

Многие проживающие в одном районе жители хорошо знают друг друга, а некоторые из перечисленных территориальных сообществ отличаются чувством своеобразного «локального патриотизма». В этой связи можно отметить Новый район, появившийся на карте города достаточно поздно — в середине XX в. Строительство этого жилого массива, отобравшего у Старого поселка пальму первенства в плане периферии, должно было решить проблему с жильем главным образом среди представителей рабочего класса. Этот район характеризуется отдаленностью от центра, моря, сложностью с транспортом, менее развитой инфраструктурой. Единственным преимуществом проживающих здесь жителей (о чем они не забывают при случае напоминать), является более чистый, свежий воздух, так как стоящий на возвышенности Новый район постоянно обдувается ветрами с гор. При этом, несмотря на то что в этом жилом массиве проживает около 30 тыс. человек, его жители «держатся вместе и проявляют консолидацию» [ПМА 2011].

Далеко не всегда можно определить некий четкий рубеж (роль которого играют особенности городской топографии), отделяющий один район от другого, речь скорее идет о доминирующем центре с тяготеющей к нему периферией, что и нашло отражение в названии отдельных районов, например ВИЭМ (Всесоюзный институт экспериментальной медицины).

В нашей статье основное внимание будет сосредоточено не на этих территориальных образованиях, а на более мелких объединениях, которые мы условно определим как квартальные соседские сообщества. Увеличение вследствие грузино-абхазской войны доли абхазов в общей численности жителей Сухума привело

к существенным изменениям в общественной жизни этого города. Обратимся к примерам, позволяющим получить представление о наиболее характерных особенностях первоначального процесса формирования соседского сообщества как общественной неформальной организации послевоенного Сухума. Безусловно, одной из наиболее заметных тенденций «собираания» соседского сообщества стало стремление абхазов селиться в кругу родственников и близких знакомых. *Мы появились в 1995 году... здесь есть те, кто сблизился по родству, скажем, брат привел сестру. Родители пришли жить, там дочка рядом, зятя привели. Родственники приводят. Но также приводят жить друзья, знакомые. Меня привела жить моя подруга. До войны мы в Новом районе были соседями... Лично у нас на этой улице родственников нет, но есть близкие люди* [ПМА 1896: 45].

Аналогично начал складываться соседский коллектив у родственников другого нашего информанта. *У меня племянники — трое мужиков и две девочки... Они живут компактно. До войны они жили на съемных квартирах. Жили здесь, работали здесь. Старший брат в поисках жилья обнаружил, что можно занять трофейный дом. Вошел туда и обнаружил, что там можно занять соседский дом для брата, заброшенный дом... В ста метрах друг от друга. Потом привлекли и сестру, зятя. Обнаружилось, что и сестра зятя может быть там. И образовался круг знакомых, близких людей. Один за одним, один за одним. Один пригласил второго, второй — третьего. И оказались в куче. Заселили этот **куток*** [ПМА 2011].

В следующем случае речь идет о переселившихся после войны в Сухум жителях села Атара, вынужденных оставить прежнее место жительства — сгоревший до основания *ацута* (поселок, структурно представляющий собой часть абхазского села) Атара ахэы. При этом на новом месте из пятнадцати выселившихся хозяйств пять обосновалось в непосредственной близости друг от друга [ПМА 2011]. Список подобных историй может быть продолжен. Упомянутые выше *ацута* и *куток* являются, пожалуй, наиболее употребимыми среди горожан, но не единственными возможными терминами, которые могут быть использованы для определения

квартальных сообществ. Согласно точке зрения одного из наших информантов, для обозначения сложившихся в условиях города сообществ наиболее подходит абхазское определение *аиланхарта* или *аицынхарта* — «там где люди живут совместно», «соседство», однако этот термин не имеет широкого бытования. Кроме того, им было высказано мнение, что термин *ахабла* (используемый Ш. Инал-Ипа наравне с *ацута* в значении поселок [Инал-Ипа 1960: 154]), который так же, как и *ацута*, экстраполирован в культурную среду города из села, может употребляться лишь по отношению к соседским сообществам, сформировавшимся в районах частной застройки [ПМА 2011]. Можно отметить и другой пример, когда в современной Абхазии сельская номенклатура переносится на городские реалии. Когда в Абхазии происходит сход представителей отдельных фамилий, то подсчет численности однофамильцев ведется в дворах, и в этом случае понятие «двор» переносится на городскую квартиру. *Когда «двор» говорим, это еще квартиры в городе* [ПМА 1894: 91].

Следующим шагом к формированию квартального сообщества из старожильческого населения и инкорпорированного в его среду широкого слоя новоселов стало организационное оформление сложившегося союза. При этом речь идет о целенаправленном объединении людей, сознательно идущих на этот шаг для решения наиболее актуальных задач их внутренней жизни. *После войны население Сухума заново формировалось... В одно время пришли те, которые стали руководить этими процессами. Тогда эти общины формировались по принципу знакомств... потому что есть такие вещи, где одного человека оставлять нельзя* [ПМА 1895: 68–69].

О содержании соседской взаимопомощи, как и в целом соседского взаимодействия, речь пойдет далее, здесь лишь отметим, что сам ее принцип не может являться критерием отличия в организации социального пространства довоенного и современного города, т.к. оказание необходимой помощи традиционно рассматривается в качестве нормы общежития.

Инициатива в вопросе формирования квартального сообщества принадлежала пришлому сельскому населению. *Люди из*

села, они здесь более активно образовывали свой куток [ПМА 2011]. В данном случае от этой части населения нельзя также отделять тех горожан, которые не обладали до войны возможностью формировать пространство своего проживания по сельскому образцу. Проиллюстрируем типичный вариант процесса объединения, который условно можно определить как «оперативный», на следующих двух примерах. *На улице есть осетины, армяне, русские, украинцы... Мы идем по тем принципам, которым мы научились в родных селах. С самого начала проявил в этом активность один из тех, который воевал, который старшего брата на войне потерял... Он предложил: «Давайте, теперь уже у нас набралось нормальное количество дворов, и давайте создадим типа уличного комитета, ахеилак... во всех делах, раз мы оказались соседями, мы должны быть организованы, давайте создадим такой комитет». Он внес предложение, другие поддержали. И мы созвали всех соседей... Председателем мы избрали... нашего соседа, он был старший на улице. Раз оказались на одной улице, надо сгруппироваться, поддерживать друг друга... Мы еще не все знали друг друга. Надо было физически друг друга узнать, познакомиться, записать фамилии, имена, кто чем занимается* [ПМА 1896: 45–53].

Во-первых, отметим еще раз, что именно сельский «стандарт» лег в основу общественной жизни соседского сообщества, а во-вторых, инициатором организации «комитета» выступил молодой по возрасту человек, прошедший войну, живший ранее в селе и в дальнейшем туда вернувшийся. Как представляется, наша собеседница не случайно отметила факт его участия в войне, а также ту утрату, которая понесла его семья. Это дало ему моральное право взять на себя роль инициатора созыва собрания, в противном случае, учитывая возраст, его активная позиция организатора общественной жизни могла быть воспринята окружающими как несоответствующая его статусу.

Согласно информации другого нашего собеседника — абхаза, с 1966 г. проживавшего в кооперативном доме, создание их городского квартального сообщества проходило следующим образом: *Один у меня... и, кстати, сельский житель предложил* [организо-

вать знакомство жителей дома и избрание его руководства]. *Привез бычка огромного, специально зарезал его и собрал всех жителей се...*[Села? Если так, то оговорка показательна] *этого дома. Всех, всех, всех. Всех мы вытащили, и старух, и стариков... и во дворе мы накрыли стол. И вот там были предложения: выбрать лидера, кого слушать. Оно получилось. Выбор почему-то пал на меня, и мне дали еще двух вновь пришедших людей в помощники* [ПМА 1896: 33].

Если вернуться к первому примеру, то кроме избрания старшего и его помощника — секретаря, которым стала наш информант, важным организационным вопросом было составление списка проживающих, сбор денег для проведения похорон. При этом «прозрачность» соседского сельского сообщества, обусловленная длительным проживанием на одной территории представителей ряда поколений разных фамилий, в городских условиях практически одномоментного создания коллектива могла быть достигнута путем известного форсирования ситуации — сбором при знакомстве сведений, которые касались не только состава семьи, но и информации личного характера. *Когда мы знакомимся... я не знаю... может, кто-то, что-то и скрыл, но во всяком случае у нас принято говорить... чтоб сосед знал, чем занимается рядом живущий. У нас нормально к этому относятся* [ПМА 1896: 54].

Окончательное же формирование квартального сообщества происходит лишь в ходе проведения общественных мероприятий и ритуальных практик, т.е., иначе говоря, после истечения достаточно продолжительного времени. *У нас, когда количество дворов стало расширяться, мероприятий стало больше. Время шло, у нас разные мероприятия пошли. Мы чаще стали видаться, часто бывать вместе, привыкли друг к другу, уже само по себе получается* [ПМА 1896: 71].

При этом, как это явствует из приведенного ниже замечания, несмотря на добрососедские отношения, установившиеся между проживающими в непосредственной близости людьми, наш информант не склонен рассматривать себя и свое окружение в качестве окончательно сложившегося коллектива. *Этот мой район [сообщество] образовывается в течение последних лет, и мы еще*

имели счастье не соединиться в чем-то... у нас еще никто не умирал. У нас еще никто не женился, у нас еще не было таких мероприятий, которые бы нас сильно объединили. Но мы друг к другу ходим в гости, наши женщины к ним заходят. Вечерами захожу к ним. Общение полное [ПМА 2011]. Интерес представляет также дальнейшее замечание нашего информанта, имеющее непосредственное отношение к процессу консолидации сообщества. Он предполагает, что в ситуации, когда потребуется соседская помощь, к ее оказанию могут подключиться люди, в настоящее время не связанные между собой тесным общением, может быть, даже незнакомые друг с другом, и таким образом, их квартальное сообщество обретет не только необходимую сплоченность, но и четко обозначится состав его участников.

Включение нового жильца в соседское сообщество может проходить по следующему сценарию. В тех случаях, когда квартальное сообщество представляет собой сплоченный коллектив, новосел, прежде чем стать его полноправным членом, проходит предварительную стадию знакомства. Один из наших информантов, проживающий в квартальном сообществе, отличающемся высокой степенью солидарности, с уверенностью отметил, что если новый претендент на расположенное на их территории жилье по каким-либо причинам их не устроит, соседский коллектив просто не допустит совместного проживания.

В свою очередь стратегия поведения нового жильца может проходить по следующему сценарию активного установления контакта с окружающими. *Когда я купил эту квартиру... На весь дом не буду говорить, но первым делом пригласил по площадочке, выпили, пообщались. Они меня пригласили и тому подобное. Наладил контакты. И так, в общем, со своим подъездом я познакомился... в основном там старушки. Есть, которыми мы помогаем. Где-то в кафешке посидели, свадьба была, на похороны куда-то поехали, в итоге мы все...* [познакомились] [ПМА 1894: 54].

Что представляет собой квартальное сообщество как территориальная единица, и насколько соответствует реальности наше условное определение — квартал? Все сообщества, коль скоро

они соседские, сформировались в пространстве конкретных улиц и/или кварталов. Безусловно, городские топографические особенности не могут не создавать условий для формирования границ, отделяющих одно сообщество от другого. *Мы живем в городе, и улицы начинают играть роль* [ПМА 1895: 69]. Но с точки зрения большинства наших собеседников ни квартал, ни улица не являются главным структурообразующим элементом и не имеют жесткой корреляции с квартальным сообществом. *Если через дорогу — такого деления нет* [ПМА 2011].

В одних случаях квартальное сообщество может локализоваться в пределах небольшой улицы и примыкающих к ней переулков, в других, когда речь идет о многоэтажных домах, имеющих совершенно иную плотность заселения, их территориальная конфигурация более лаконична: один дом или несколько соседних. *Границы, они не всегда увязываются с улицами... Улицами начали ограничивать... но это пока не как правило. Там большую роль в этой соседской общине начинает играть не территория, а количество людей, которое проживает. Там где территория застроена большими домами, там плотность большая* [ПМА 1895: 57]. *Улица у нас большая, всю улицу... это может быть круг какой-то, охватывает несколько улиц... Там где я живу, наша восьмиэтажка, две пятиэтажки, а дальше идут собственные дома. В наше сообщество не все вошли... Жители трех домов и некоторые частные дома, некоторые, не все* [ПМА 1894: 51]. *На нашей улице тоже взаимопомощь, что и в деревне... Наша улица Титова самая большая в городе. Около 30 семей туда [в квартальное сообщество] входит. (Объединение людей в одно сообщество на чем основано?) По кварталам, наверное* [ПМА 1896: 43]. *Границы каждый раз имеют свои особенности, размеры я имею в виду. В одном случае это может быть и один квартал всего, может быть часть этого квартала. Все зависит от того, насколько они взаимосвязаны чем-то, каким-то образом* [ПМА 2011].

Местом общения мужской части квартального сообщества часто становится находящееся на его территории небольшое кафе, хозяином которого нередко является местный житель, или, что

наиболее распространено, специально оборудованное для этой цели место. *Небольшая площадка напротив восьмизатяжки. Ребята все скинулись, построили навес, столик поставили, чтобы можно было общаться, посидеть, надо будет — немножко выпить, в нарды поиграть. Участок свой обозначили. Навес с капитальной кровлей, стол хороший поставили* [ПМА 1894: 53].

У нас есть навес, палатка, столы достаем, приносим посуду всем домом [ПМА 1894: 93]. Территория квартального сообщества — понятие условное, так как не только условна внешняя граница, отделяющая одно сообщество от другого, но и территория самой общины не представляет собой единый массив. Если в условиях села в принципе невозможна ситуация, когда часть проживающих в составе ацуты жителей не принимает участие в наиболее важных событиях общины, то для городской среды «выпадение» из соседского коллектива определенного числа жителей — явление повсеместное. Часть жителей, проживающих в пределах того или иного квартального сообщества, не участвует в его ритуальной практике или иных формах соседской взаимопомощи. *Внутри общины кто-то не захотел быть членом этой общины. Он живет, его никто не трогает* [ПМА 1895: 70]. Интересно, что все наши собеседники единодушно отмечали, что такой житель, несмотря на отстраненную по отношению к квартальному сообществу позицию, получал от него в случае необходимости помощь. *Дело в том, что в любом случае ему помогут, но он эту помощь мог не получить, если бы менталитет у тех, кто помощь оказывает, был бы другой. Но он в любом случае в выигрыше. Он никому не помогает, а ему все помогают. Но при этом они осуждают его. Они свое дело делают, но осуждают. (Этот человек должен ощущать, наверное, общественное мнение?) Ну, наверное, но ему в глаза не высказывают* [ПМА 2011].

В подобном скрытом осуждении можно видеть поздний, именно городской вариант проявления общественного мнения. Для сельского сообщества реакция на пренебрежение к соседским обязанностям традиционно носила гораздо более жесткий характер, выражавшийся, в частности, в отказе выполнять работы на свадьбах и даже похоронах, что в принципе возможно лишь при

условии внутренней сплоченности коллектива. Именно такой эпизод отказа от оказания помощи на свадьбе представлен в насыщенном этнографическими деталями романе абхазского писателя Анатолия Возба. «Снимает Хараз свой башлык, кладет его на стол и отходит к воротам. А через мгновение уже на прежнее место возвращается. Колотит себя ладонями по голове и громко вопит: “О бедный Хараз, как случилось так, что ты умер...” Оказывается, этот Хараз не любил помогать соседям... Проучили. Сначала заставили поплакать над собой, как над мертвым, унижаться и лишь потом простили» [Возба 1991: 286].

Городская община формировалась по территориальному, а не по этническому принципу [ПМА 1895: 70], и поэтому подразумевалось, что все проживающие на одной территории жители, вне зависимости от национальной принадлежности, входят в ее состав на равных основаниях. На собрании квартального сообщества, которое инициировал молодой ветеран, он, как организатор, заверил всех присутствующих, что помощь будет оказываться вне зависимости от национальности, наличия родственников и средств: *Не опасайтесь, русских похороним бесплатно*, — чем вызвал дружный смех интернационального по составу собрания [ПМА 1894: 46].

При этом с точки зрения наших информантов активное участие/не участие в институте соседской взаимопомощи не имеет четкой корреляции с этнической принадлежностью жителей квартального сообщества. До известных пределов можно принять подобную точку зрения и согласиться с тем, что, например, часть горожан русской национальности в вопросе участия в различных общественных мероприятиях не выделяется на фоне абхазского населения. Но, как уже говорилось, именно с абхазским сельским населением можно связать явление, когда организационные принципы сельской общины, и в первую очередь институт соседской взаимопомощи в условиях города приобретают доминирующий характер. При этом участие высокопоставленных чиновников, членов правительства в соседской общине рассматривается жителями города в качестве нормы. *Сказать, что Багапш* [С.В. Багапш — второй президент Республики Абхазия. Годы

жизни 1949–2011] *будет тебе носить поднос, было бы несправедливо, но попридусь присутствовать, прийти туда, куда ему нужно будет, делать финансовый взнос — в этом деле все равны* [ПМА 1894: 55]. Он [С.В. Багапш] *член нашего общества... Абсолютно себя не выделяет... Иначе он не имел бы никакого уважения... он правильно себя ведет... По-другому жить у нас здесь просто невозможно. Иначе он будет белая ворона. Не только его, его семью, его фамилию будут высмеивать. Ты будь президентом у себя, это твое рабочее место, а в нашей жизни ты должен быть...* [как все] [ПМА 1895: 56].

Представляется, что в тех сообществах, где абхазское население не доминирует, общественная структура носит весьма рыхлый, неоформленный характер. Так, один из наших информантов отметил, что на их улице проживает значительное число украинцев, а также представителей иных национальностей, которые в массе своей не участвуют в общественных практиках. Характер взаимоотношений носит в целом отстраненный характер, когда люди живут исключительно интересами своего домашнего мира, не выходя за его пределы. *Это в основном украинцы. Абсолютно безвредные, и не мешают, и не помогают... Евреи живут, русские, армяне, греки, грузинские смешанные семьи... Что интересно, что именно на нашей улице... Все мы почти ровесники, поэтому у нас старший, младший нет. Стариков у нас нет. В случае смерти, похорон руководство берет на себя родственник покойного* [ПМА 1895: 45].

В этой связи приведем рассуждение одного из наших информантов о его понимании соседской взаимопомощи. *Дело в том, что у каждого, наверное, свой круг так сказать. Вот, например, иногда так бывает, что я иду... обычно я на свадьбах, похоронах, я работаю... И вот как-то иду работать куда-то... Меня жена спрашивает: Куда идешь? — Соседу помочь. — Какой дом? — Дом через несколько кварталов. — Какие они нам соседи? — говорит она. Это же от отношений друг к другу. Один, рядом живущий, не идет помогать. (Для нее это уже не соседи?) Да, для нее не соседи. Да, ушел далеко. Это просто зависит от человека* [ПМА 2011]. Тем не менее отметим, что, несмотря на

дружеские отношения, которые позволяют человеку достаточно далеко «уходить» от своей соседской общины, долг по отношению к членам непосредственно своего квартального сообщества остается неизменным вне зависимости от чувства личной симпатии или антипатии.

Вопрос границ или территориальной конфигурации сообщества напрямую связан с человеческим фактором. Мы разделяем мнение наших информантов, которые связывают размер соседского коллектива, а также степень его сплоченности в первую очередь с фигурой лидера, личность которого задает центростремительный вектор. (*Соседний дом в ваше сообщество не входит?*) Нет, у них свое. Я думаю, что это связано не с какими-то нежеланиями, а с невозможностью управлять потом этим громоздким организмом. Это зависит от степени подготовки того лидера, который у вас есть. Если он хороший, он будет не только вашим домом, а всем кварталом [руководить], может президентом стать [ПМА 1895: 1].

Другой пример демонстрирует как раз движение в «обратную сторону», когда руководитель сознательно ограничила свои полномочия из-за чрезмерной для нее физической нагрузки. *Каждый подъезд имеет [своего руководителя], а был общий... Она бегала, бегала, ну она сказала: давай на наш подъезд [т.е. буду решать проблемы только своего подъезда]* [ПМА 1896: 4].

При этом лидер городского сообщества должен не только обладать необходимыми качествами для квалифицированного осуществления всего комплекса общественных и ритуальных практик, но и пользоваться авторитетом среди своего окружения. *К нему все обращаются по различным случаям, он организовывает... Ему где-то за пятьдесят. Авторитет имеет среди друзей, потому его и выбрали соседи. Почитаемый, уважаемый человек* [ПМА 1896: 43]. *Из своего сообщества они избирают старшего, старейшину... не каждый же может молиться богу... вначале вместе собрались, очень многие свои дома поменяли: кто есть кто? А потом потихонечку выделяются те, кто выделяется своей чистой, способностями* [ПМА 1894: 48].

Однако, несмотря на то что именно переселенцы из сел стали причиной перемен, произошедших в городской среде, старшим в соседском сообществе, как правило, становился старожил, если он мог соответствовать всем предъявляемым со стороны общества требованиям. *(Кто руководит в городском поселке?) Есть более деятельные ребята, такие крестьяне абхазские чистые, с хорошей организаторской способностью, которые в городе всю жизнь живут. Которые организывают такие дела. Нам нужно то сделать, это сделать [ПМА 1894: 51]. Выбрали председателя Валерия Туковича — известный человек, с положением в обществе, организаторскими способностями, он был в этом районе как старший: старший по возрасту и местный житель — он в этом районе жил [ПМА 1893:80].*

Необходимым качеством для лидера городского объединения является его способность к ораторской практике, так как любое территориальное сообщество, в которое входит все городское население, нуждается в организаторах, умеющих вербализировать стоящие перед людьми задачи. *Это место всегда будет завидной позицией для среды, в которую они оказываются включенными [ПМА 1832: 18].*

Завершая этот параграф, отметим значительную роль женщин в сфере управления городскими соседскими сообществами в современной столице Абхазии. Приведем характеристику одного из таких организаторов, в которой, на наш взгляд, представлен едва ли не полный набор тех признаков, которые позволяют женщине стать руководителем городского ацута. *У нас женщина. Пожилая женщина. Ей семьдесят с чем-то лет. По-моему, она педагог была в свое время. Очень бойкая. У нее сын погиб на войне, она входит в союз матерей. Она общественно активная... Если надо, в кабинет министра пойдет [ПМА 1895: 2].* Все вышеприведенные характеристики лежат в плоскости традиционного представления о возможных условиях выдвижения женщины в широкую сферу общественной жизни. Руководителем стала не просто женщина пожилого возраста, а вдова, сама воспитавшая своих детей. Ее высокий общественный статус определяется жертвой, принесенной ею на благо общества, — смертью сына,

погибшего во время войны. Это, в частности, дает ей моральное право входить в «высокие» кабинеты и требовать полагающихся для жителей ее микрорайона ремонтных или иных работ и услуг. Она решает бытовые вопросы. Она не может дома сидеть. Горсовет. Она имеет право с ними говорить. Единственного сына она потеряла. Она говорит людям, которые, когда ее сын воевал совсем молодым, они сидели в Москве. Она им говорит: «Сейчас заняли все места и ничего не делаете, а я пострадавшая». Она язык имеет — не дай бог [ПМА 1896: 4–6]. Присущие ей волевые качества характера, умение вести диалог дополняют высокий общественный статус, необходимый для выдвижения на роль руководителя.

II

Несмотря на то что наши информанты не всегда четко могли охарактеризовать принципиальные отличия соседской взаимопомощи довоенного и послевоенного Сухума, тем не менее существование этих отличий ими хорошо осознается. *Взаимопомощь в городах у нас всегда была, независимо от национальности. А сейчас чисто такое деревенское... в деревнях как бывает: мать на каждую свадьбу несет курицу одну обязательно, бутылку водки, как бы от себя... ну а мужчины платят деньги. Здесь тоже это привнесли [ПМА 1894: 50]. Свадьба, похороны, как соседи, дружно все решалось. Причем все было скромно. Не было никаких, как в деревне размахов [когда] за стол сажали 300 человек... Такого не было... Сейчас по другому. В Сухуме появилось большое число крестьянского населения [ПМА 2011]. Я знаю, справляются [праздники] более цепко, более подробно, где оказались люди, вынужденные переместиться [из села] [ПМА 2011]. Довоенный Сухум... грузины более обособленно жили всегда. Они себя отделяли от общества... Все равно у них было общее свое. Общий котел, все остальное.*

В городе это тоже было. Ну, естественно специфика города отличается от специфики села... поэтому это здесь не так четко было выражено, тем более до войны, потому что здесь проживало мало абхазцев [ПМА 1895: 58].

В этой связи коснемся такого вопроса, как взаимоотношение представителей сельской и городской культур. С точки зрения наших информантов непосредственно в абхазской среде не существует такого свойственного для современной городской среды явления, когда сельские жители рассматриваются горожанами в качестве социальных аутсайдеров. Как уже отмечалось, в Сухуме слой абхазского городского населения был весьма незначительным, при этом многие горожане не просто являлись вчерашними сельскими жителями, а продолжали рассматривать себя плоть от плоти сельского сообщества. Приход значительной части сельского населения в город позволил этой части горожан столицы, ориентированных на общие с новоселами ценности, оказаться в привычной им среде. Более того, в известном смысле сельские новоселы занимают позицию лидеров, имея в глазах старожилов репутацию приверженцев абхазской культуры, способных выполнять функцию консультантов в такой очень важной для всех сфере, как ритуальная. *Мы очень рады, что они рядом. Потому что, когда надо делать свадьбу, похороны, тогда лучше них никого нету. Они являются для нас более живыми в абхазских делах, т.е. более они для нас полезны* [ПМА 2011]. *Наш район считается самым примерным... Это, наверное, из-за того, что выходцы из села там собрались и стараются не забывать о своих традициях. И самое главное, они своих детей воспитывают. И еще самое главное, что я считаю плюсом нашей улицы, это... ребенка с малых лет приучают к родному языку... Если человек за сохранение апсуара, он должен первым долгом сохранить свой язык* [ПМА 1896: 45].

Тем не менее приход значительного числа сельских жителей спровоцировал развитие ситуации, когда сформировавшиеся в сельской местности поведенческие нормы вошли в противоречие с правилами городского общежития. Так, одна из проблем жителей многоэтажных домов состоит в перенесении в городские условия привычной для жителей села формы общения, когда гость/посетитель, подойдя к дому и стоя у ворот, громко окликает хозяина. Другим неприемлемым для городского быта явлением стало выбрасывание новоселами мусора из окон прямо на улицу.

Особый интерес для нас представляет тактика разрешения этой проблемы выборной группой людей, проживающих в одном из таких домов. Члены «дипломатической миссии», а ими стали наиболее уважаемые люди из числа старожилов, последовательно обойдя все квартиры, обратились к жильцам с просьбой прекратить выбрасывать бытовой мусор в окно. Примечательно, что все без исключения жильцы, к кому обратились с этой просьбой, были обижены самим фактом возможного предположения их участия в захламлении территории. Помимо просьбы, исходившей в том числе от человека весьма преклонного возраста, взявшего на себя труд обойти все квартиры, старожилы использовали внешне простой, но от этого не менее эффективный прием, основанный на понимании значимости общественного мнения и соседской помощи. *Абсолютно каждому сказали: мы верим, что не ты сделал, но ты в подозрении. Ты новый жилец. Мы, старые жители, не бросали до того и сейчас не бросаем. На каждого из вас падает тень! Ты не бросил, но ты в подозрении от старых жителей, от всех нас. Тогда посмотри за соседкой. И вот буквально в течение месяца этот порядок мы навели* [ПМА 1896: 30, 35].

Как известно, важнейшей обязанностью соседей в сельском сообществе Абхазии, как и в целом на Кавказе, является оказание активной помощи в организации и проведении мероприятий ритуального характера. Интересно отметить, что наши информанты в качестве примера существования соседской солидарности в довоенном Сухуме вспоминали в первую очередь не похороны, а свадьбы. *Хотя общие дела были, конечно. Соседи, ребята играют, студенты... Общие свадьбы и тому подобное* [ПМА 1894: 46]. *Если в доме происходило какое-то радостное событие, то все бежали к нему. Весь дом, независимо от национальности. У человека радость, к нему приходили все поздравлять, гуляем... Как у нас принято на Кавказе, не приходишь с пустыми руками* [ПМА 1896: 28].

Не будет ошибкой сказать, что именно стремление к надлежащему исполнению ритуальных практик запустило механизм самоорганизации в новых по своему составу квартальных сообществах. В настоящее время обычай соседской взаимопомощи

проявляется в непосредственном участии членов квартального сообщества в необходимых работах во время проведения свадеб, похорон, поминок и других подобных масштабных мероприятий. При этом сценарий оказания соседской помощи в городе и селе не имеет принципиальных отличий. *Завтра свадьба, сегодня ставят столы и назначают: ты занимаешься мясом, Петя и Аркадий — мамалыга, кто-то по палатке, кто-то вино разливает* [ПМА 1894: 55].

Очень важным элементом оказания соседской взаимопомощи является сбор денежных средств, которые поступают семьям, понесшим утрату близких. При этом сложившаяся процедура сбора средств может рассматриваться как важный дисциплинирующий фактор, поддерживающий на должном уровне соседскую сплоченность. Как отмечают информанты, денежный взнос в этом случае в отличие, например, от свадьбы является фиксированным и обязательным для всех членов поселка. *(Установили размер взноса при похоронах, а если свадьба, то это на личной инициативе. Сколько можешь, в качестве подарка* [ПМА 1893: 81].) Примечательным в данной связи является следующий комментарий: *У нас обязательно считается, если у однофамильца случилась беда, его имя среди остальных имен должно быть зафиксировано. Вот это обязательно* [ПМА 1896: 63]. Принятый в селении порядок сбора средств был также перенесен на городскую почву, где подвергся коррекции. *Вначале мы не могли деньги складывать, потому что их фактически не было... А потом, когда мы стали получать, мы стали сдавать деньги. Мы до сих пор это делаем... Вообще хотели создать фонд... (У вас нет постоянной кассы?) Постоянная касса есть в селе... вначале у нас так и предусматривалось, чтобы эта касса была. В селах и среди однофамильцев кассы есть, ну необязательно, только чтобы однофамильцы были... 40–50 дворов, как мы говорим, куток... Я это хорошо помню. Мой отец... ему это поручили... У него огромные списки, аж, начало, когда это было, я не помню... Там смерть каждого однофамильца, число, когда умер, когда похоронили. Список тех, кто внес деньги... Вот эти деньги всегда лежат в селах... Сегодня, если умирает один однофамилец, ему сразу же*

дают эти деньги, которые лежат собранные. Это очень организовывает. У человека всегда есть надежда, что на первый день такая вот помощь, ну а потом другие родственники дают, помогают, но в основе лежит этот фонд. Этот фонд собирается, сегодня умер, сегодня собирается уже для следующих похорон. Мы здесь хотели так сделать, вроде бы мы так начали... Но, во-первых, мы не могли большие суммы сдавать, ну и потом состав менялся, поэтому мы этот фонд не создали... С самого начала сказали, какую сумму будем вносить [ПМА 1896: 59–61].

В связи с похоронами отметим еще один очень важный аспект проявления общественной жизни в городе, позволяющий нам с полным основанием проводить прямые параллели между квартальным сообществом и сельским *ацута*. Речь идет о правиле общежития, согласно которому жители квартала не просто выражают соболезнование соседу в связи со смертью его близкого родственника, но и совершают в день похорон совместную поездку в его родное селение на оплакивание. *Если кто-то из близких родственников этого дома умирал, они организовывали посещение похорон в день похорон. У меня после войны умер отец... вся улица наняла машину и поехала... Обычно у нас свои шофера есть... но мы друг друга знаем, собираем на бензин. С каждого человека по 50 рублей, сколько я помню, ну нанимали, скажем, большой автобус... Едем туда в день похорон, сочувствуем и возвращаемся. Водитель, он как один из членов с нашей улицы. Их трое-четверо... Обычно к 3–4 часам после работы* [ПМА 1893: 82]. *Мы же не только здесь ходим друг к другу на похороны или на свадьбу. Если скажем у того, кто здесь живет, в дальнем селе умер отец или мать, брат, сестра и т.д., мы туда тоже ездим* [ПМА 1896: 67].

Таким образом, городское сообщество рассматривается его членами не как случайное, более низкое по статусу объединение. В круг городского сообщества оказываются включенными не только сами соседи, но и их родственники. В известном смысле, через отдельных своих членов социальное пространство сельских *ацута*, откуда они родом, и городских кварталов, где они проживают в настоящее время, оказываются соединенными

в единое целое. Безусловно, это соединение городской и сельской структур в единое целое происходит в границах похоронного ритуала, но сам факт оплакивания сельских родственников своих городских соседей как минимум свидетельствует о высокой степени солидарности. Отметим также, что проведение похоронного обряда в городских условиях большинством абхазов не воспринимается как нечто целостное, поскольку в связи с отсутствием пространства родового дома/кладбища сам обряд распадается на несколько территориально разорванных этапов. Нормой продолжает оставаться погребение покойного в пределах семейного/родового кладбища, хотя в настоящее время похороны умерших горожан абхазской национальности все чаще совершаются на городском кладбище столицы. *(Если уже нет никого [из родственников] в селе, где похоронят?) Все равно в селе, я не вижу себя похороненным в другом месте* [ПМА 1894: 57].

Наш информант на вопрос, в чем, с его точки зрения, заключается отличие городской жизни от сельской, ответил: *Очень все близко. Но есть одна разница. Если у нас в деревне провожают покойного в последний путь и хоронят его недалеко от дома и тризну справляют тут же во дворе, сразу... это все одно пространство, то в городе не так. Его везут куда-то на городское кладбище или в деревню. Тризну будут отправлять где-то там... в заведении специальном для обрядовых услуг, нет как бы этого двора... единого пространства... вот это, я думаю, накладывает отпечаток* [ПМА 1895: 8].

Веским подтверждением того факта, что выстраивание общественной жизни в условиях города проходит по образцу сельских *ацута*, может служить проведение квартальным сообществом традиционного абхазского обряда *ацу ныхэа*. Примечательно, что проведение этого обряда сельскохозяйственного цикла стало своеобразной приметой современного Сухума. *В поселковых улицах начали делать ацую ныхэа. Это чисто деревенское. Принесли сюда. Некоторые кварталы, не все конечно, но где в основном преобладают абхазцы, в этих кварталах начали делать ацую ныхэа. Она [тенденция] по нарастающей идет... складываются, идут бычка режут и сами делают... Новый район, там совсем*

частных домов нету [а обряд проводится] [ПМА 1894: 47]. Краткое описание этого праздника приведено в монографии видного абхазского этнографа Ш. Инал-Ипа «Абхазы».

«Жители поселка (*ацута*) устраивали каждой весной — в мае или начале июня, в воскресный день, — особое земледельческое моление под названием “моление ацу” (*ацу ныхэа*). Жители делали складчину на покупку баранов или коров и вина <...> Кроме того, каждый дым обязан был принести с собою сваренного пшена (гоми) в назначенное место, которое считалось священным по преданию; там резали скот и варили мясо. Затем избирался уважаемый в том селении старик, которому подавали палочку с наизнанными на нее печенью и сердцем и стакан вина, и он, приняв это и став во главе молящихся, поворачивался к востоку и произносил молитву <...> При этом он отрезывал кусочек печени и сердца, поливал их вином и бросал от себя в сторону, после чего все садились в кружок, желали друг другу счастья и начинали есть и пить. Шкуру получал молельщик, а рога вешались на священном дереве. Женщинам не дозволялось не только дотрагиваться до этой пищи, но даже присутствовать во время обеда» [Инал-Ипа 1960: 367].

Причины распространения именно этого сельскохозяйственного обряда в современном абхазском городе можно связать, во-первых, с тем обстоятельством, что *ацу ныхэа* продолжает прочно сохраняться в обрядовой практике сельского населения Абхазии, а во-вторых, с тем, что этот обряд объединяет жителей *ацута* — территориального сообщества, членами которого являются не только представители одной фамилии (рода), но и представители других проживающих на данной территории фамилий.

Попад на городскую почву, обряд *ацу ныхэ* в силу объективных причин утрачивает важные (а с позиции человека традиционного сознания основополагающие) характеристики. Так, одним из непременных условий канонического сценария проведения обряда является наличие так называемого «чистого места», которое, как правило, представляет собой живописную уединенную поляну, расположенную в непосредственной близости от ручья или реки. В городских условиях крайне сложно, если вообще возможно,

найти подобное место, которое хоть в какой-то мере могло бы соответствовать принятым правилам проведения обряда. В ряде случаев представители отдельных квартальных сообществ для этого предлагают отправиться за город, что также не всегда возможно из-за проблем с транспортом или отсутствием достаточного количества времени у большинства его участников. Поэтому обычно выбор места для *ацу ныхэа* определяется возможностью разместить всех предполагаемых его участников, что приводит к ситуации, когда обряд вынужденно проводится вне сакрального пространства, что не может не оказывать разрушающего воздействия на ритуал как таковой.

Говоря о причинах трансформации обряда, следует отметить еще одно обстоятельство, связанное с такой характерной для Сухума особенностью, как многонациональный состав большинства квартальных сообществ. Несмотря на то что *ацу ныхэа* является абхазским праздником, в его проведении принимают участие все проживающие в данном городском сообществе горожане вне зависимости от их этнической принадлежности. Кроме того, в таких сообществах сами абхазы являются представителями различных историко-этнографических областей Абжуйской (восточной) и Бзыбской (западной) Абхазии, где практика *ацу ныхэа* имеет свои локальные отличия.

В этих условиях проведение обряда идет по пути упрощения и нивелировки. Сроки его проведения в городе по-прежнему обусловлены критической для крестьянина ситуацией — нехваткой дождей в период летней жары, когда без воды начинает «дереветь» кукуруза. В городских сообществах избирается т.н. молельщик, которым традиционно становится старший по возрасту пользующийся авторитетом мужчина. Стоит отметить, что существует и альтернативный вариант, когда избрание молельщика происходит по принципу очередности. Подготовка молельщика к исполнению своей функции представляла многодневную процедуру, целью которой было его физическое и символическое очищение. В частности, омовение должно было совершаться исключительно водой из чистого источника — родника, что в условиях города практически невыполнимо.

В настоящее время ритуальное застолье *ацу ныхэа* утратило свой первоначальный аскетизм: абыста (мамалыга), соль, вареное мясо, «чистое» вино (сухое, без сахара) в подавляющем большинстве случаев ушли в прошлое, уступив место праздничному разнообразию блюд. Обычной практикой становится обильное употребление вина, под влиянием которого коренным образом меняется общая тональность обрядовой трапезы. Тем не менее при всех значительных изменениях, которые претерпел *ацу ныхэа*, он продолжает оставаться обрядом, так как неизменным остается идея принесения жертвы и вознесение молитвы Всевышнему. Практически полностью утратив религиозную составляющую в среде населения с десакрализованным сознанием, *ацу ныхэа* сохраняет за собой (уже в качестве основной) коммуникативную функцию. Приведем здесь замечание одного из жителей Сухума, в котором современное значение обряда проступает со всей очевидностью. *Делается это в большей степени, что бы люди пообщались. Мало кто верит, что мы проведем, и это случится. Правильно? ... Проводится в сезон, когда это необходимо. Складываются... купили бычка. Мясо [уже разделанное] не берут, это исключено [ПИМА 1895: 46].*

Несмотря на то что обряд *ацу ныхэа* в его нынешней редакции постепенно становится нормой, его проведение представителями разных возрастных групп нередко оценивается критически. Приведем точку зрения одного из наших информантов, мужчины средних лет, горячего противника проведения *ацу ныхэа* в городских условиях, которая, как нам представляется, не только показывает, что в этой области не существует незначительных деталей, но и обнажает некоторые «болевые точки» проведения обряда. *Я просто помню, как это мой дед делал. Это была экстраординарная ситуация, когда дождей не было, и ацу ныхэа делали очень строго... специальное жертвенное животное. Оно должно было иметь все черное или все белое, не помню. Дед стоял и молился: «Мы привели к тебе, бычка, ни одного волоска в нем черного нет...», т.е. особый... Там была специально наломанная ольховая подстилка, не было стола, а расстеленная листва. Не потому, что столов не было, но так делали! В деревне, где мой*

дед, около речки, зеленая лужайка. Он молился. Скот резали, молился, мы потом трапезничали. Я помню, что была соль, по моему, мамалыга была и мясо... Может быть, было черное вино, но его не могло быть много, потому что его достают из кувшина закопанного в землю, дедовского... [специально предназначенного для проведения обрядов] А его немного... Мы ели, а после этого соревнования начинались. Мы наперегонки... кто быстрее, туда-сюда бегали. Дети лет по десять-двенадцать. А борьба идет за шкуру животного убитого... После бега бросание камня — кто дальше кинет и точнее попадет. А потом боролись. Потом ее мыли, эту скотину. Она была чистая... И никаких там после этого пьяных не было. И день-два шел дождь, я точно помню... А сейчас я слышу: там напились, женщины готовят, уже на столах уже появились какие-то сладости. Я вообще не признаю этого... Просто ничего и не происходит. Дождь не идет... Он [дед] одевался, выбривался, чистенький [ПМА 1895: 27].

Отдельно выделим еще одну функцию, которую городское квартальное сообщество выполняет до настоящего времени и которая традиционно была связана с сельскими территориальными структурами. Мужчины одного *ацута* в старой Абхазии представляли собой не только сообщество людей, объединенных совместной ритуальной практикой. Трудоспособная их часть входила в так называемые *керазы* — союзы для проведения во время страды совместных сельскохозяйственных работ, во время которых члены *кераза* могли также оказывать помощь вдовам и нетрудоспособным жителям селения, не входящим в состав данного поселка. Характерная для этой общественной организации внутренняя сплоченность ее членов определила также другую не менее важную функцию *кераза*. «В старые времена коллектив керазников выступал одновременно и как своего рода оборонительный союз, в любую минуту готовый отразить нападение неприятеля» [Инна-Ипа 1960: 154, 156].

Сельские *ацута* восточной Абхазии в годы грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. стали основой для формирования воинских подразделений, входивших в основные структурные единицы абхазской армии — батальоны, которые в свою очередь, как прави-

ло, объединяли жителей одного селения. Эта функция сельского поселка в послевоенное время была воспринята городскими квартальными сообществами, жители которых одновременно представляют собой личный состав подразделений. *Они от Минобороны, военкомата выбирают командира бата, его назначают. Он уже все дома знает, все кутки эти... кто где там лидирует, где командиры рот, отделений, взводов. И по первому сигналу войско собирается очень быстро* [ПМА 1895: 29]. Формирование резерва, который является наиболее боеспособной частью абхазской армии, носит неформальный характер. Один из наших информантов отметил, что в случае военной агрессии он не направится в далекую Гудауту, в свой бывший батальон, куда он приписан военкоматом, а воевать будет в составе квартального сообщества (определение наше. — Ю.Б.), где проживает в настоящее время [ПМА 2011]. Командирами таких подразделений, как и в народном ополчении, становятся наиболее авторитетные, пользующиеся общим доверием лидеры, избираемые своими подчиненными, а не назначаемые сверху. *Они [командиры] были на войне... там после войны заново заселились... познакомились... выбирают нового командира. (Звание тут не имеет значения?) Нет, не имеет значения. (Просто лидерство?) Лидерство, а потом за ним закрепляют звание... (Можно сказать, что если в данном районе появляется человек с более сильными качествами, чем официально назначенный, то он берет на себя руководство?) У нас часто так бывает. (У него в военном билете записано майор?) И он может не стать командиром. Вместо него может стать рядовой* [ПМА 1895: 30].

Вопросы соподчинения низовых структурных ячеек, командиры которых избираются их личным составом, с высшим командным звеном можно проиллюстрировать на следующем примере. *Вот еще 2–3 года назад... в одном из районов... [в данном случае речь идет о таких районах, как Маяк, Новый район и т.п.] командир, которого назначили. И он просто [был] как связующее звено между Минобороны и этой группой вооруженных людей. У них свой лидер... Нет, они все в одном направлении работать будут, но они будут слушаться все вот этого человека, а того нет. (Как*

же будет оцццать себя «майор», у которого нет «кислорода»?) Ну, там нет такого, чтоб его давили. Там есть такое: «Вот братец, мы на прямую с этими людьми из министерства обороны разговаривать не будем, вот ты у нас связующее звено. Здесь, за руководство этой группой лиц не беспокойся. Все, что надо будет, мы будем делать [ПМА 1895: 29–32]. Возможно, подобная система разграничения полномочий не является единственным возможным вариантом встраивания воинских структур, основанных на принципах народного ополчения, в структуру современной армии, но само наличие подобного взаимодействия является показательным.

Квартальное сообщество в условиях послевоенного Сухума с плохо отрегулированными и финансово не обеспеченными коммунальными службами взяло на себя целый комплекс работ по ремонту зданий и содержанию территории. *У нас нет дворников, в основном этим занимаются женщины. Спускаются, делают субботники, подъезды подметаю... Скинулись, провели новую проводку, скинулись, наняли рабочих: полностью подъезд свой покрасили [ПМА 1894: 53].* Особая роль в организации различных вопросов быта и проведения мероприятий по обустройству дворовой территории действительно принадлежит неформальным женским объединениям, члены которых связаны между собой не только узами близкого соседства, но и личными симпатиями. *Есть микросоюзы, два этажа там. Большие женские союзы, женщины между собой, там у них свои правила, параграфы. Конечно, у нас есть домсовет, у нас есть обязательства. Мы складываемся починить водопровод, починить лифт. Горсовет не всегда может. Не будешь же ждать вечно... Есть вопросы, которые решают женщины. Они энергичные, деятельные, чаще находятся дома. Они знают мастеров. Домашними мастерами становятся этого дома. Придут, сначала утром женщины с ними кофе пьют. Подъезды все перекрасили [ПМА 1894: 93].* Особенно интенсивно включаются соседи в процесс благоустройства дома в период подготовки к свадьбе, в этом случае их объединяет солидарное стремление не уронить перед посторонними престиж своего общества. *Невеста сейчас придет: позорники, что ли живут?*

Двор весь прибран был. Я тоже возьму кисть, если сосед будет жениться [ПМА 1894: 93].

Завершая этот раздел, отметим еще одно бытовое явление, характерное для современного Сухума и, как нам представляется, могущее быть одним из проявлений соседской инфраструктуры. Речь идет о сложившейся в Сухуме системе поставок товаров в продовольственные магазины, когда местные жители приносят на реализацию продукты питания, приготовленные в домашних условиях. Как правило, это разнообразные мучные изделия (пирог, вареники и т.п.) и мацони — традиционный кисломолочный продукт. Типичной можно рассматривать ситуацию, когда хозяин магазина/продавец и основные поставщики являются жителями одного микрорайона. Таким образом, и продавец, и постоянные покупатели, зная поставщиков, уверены в качестве покупаемого продукта. Соседский характер взаимоотношений основных участников процесса купли-продажи позволяет также некоторым временно неплатежеспособным покупателям приобретать продукты питания в долг.

III

В современной Абхазии при разрешении различного рода конфликтов продолжает сохранять свое значение традиционный институт посредников (медиаторов), в задачу которых входит примирение конфликтующих сторон. При этом для абхазов, проживающих как в селах, так и в городе, актуальность этого института носит в равной степени одинаковый характер. Нашей задачей является попытка отметить наиболее характерные особенности городской, стадияльно поздней модели традиционного медиаторского суда.

Как и в предшествующий исторический период, в настоящее время успешное разрешение любой спорной проблемы в первую очередь связано с правильным выбором посредника, рекомендации/установки которого должны окончательно примирить стороны конфликта или в крайнем случае его локализовать. Известно, что традиционно народными судьями (ораторами) становились наиболее авторитетные члены общины, достигшие этого почет-

ного и вместе с тем ответственного положения к преклонным годам. Однако как именно подбирался посредник для разрешения того или иного вопроса? Приведем комментарий одного из наших информантов, известного сухумского медиатора, данный им к вопросу выбора кандидатуры посредника. В его комментарии отчасти содержится и ответ на этот вопрос или во всяком случае показана методология самого начального этапа разрешения конфликта. *Это зависит от... ситуации. Вот, например, есть такой вопрос, который должны решать не бластные, а например, депутаты... А есть такой вопрос, который может решить старейшина, абхазец в таком-то роде, в таком-то селении... Мы все друг друга знаем... устанавливаем, кто он? И потом вычисляем, кто на него может подействовать, к кому он прислушается: к дяде своему, фронтовику, сокамернику, сослуживцу... и таким путем подходим, восстанавливаем. Там ему скажут: «Ора, ты туда не лезь. Оставь этих людей. Ты нас позоришь, не делай так». Люди на него влияют... В каждом населенном пункте, в каждой переулке люди находят своего кумира... Если, допустим, он сам [медиатор] не может столько сделать, он найдет таких людей, которые помогут... я бы сказал везде такие люди есть... Могу отправить их самих по адресу: «Идите к этому человеку, он вам поможет» [ПМА 1847: 53–57].*

Ключевой является фраза «кто на него может подействовать», так как выбор посредника связан с учетом не просто его высокого общественного статуса, но и ряда конкретных обстоятельств личного характера, когда слово посредника, его просьба не могут быть проигнорированы. Для нас важно отметить, что при таком выборе посредников «территориальный» аспект сам по себе не является принципиальным, иначе говоря, в этом отношении не существует специфики в деятельности городского или сельского медиатора. *(Как решают конфликты в городе?) Конечно, обращаются к медиатору, но это необязательно житель этого дома. Опять же, он может быть из деревни или другого конца [города] [ПМА 1895: 9].* Собственно, и практика известных сельских медиаторов не была связана исключительно с территорией

их селения, а могла охватывать значительно более широкий ареал, нередко выходя за границы Абхазии.

Городскую специфику в решении конфликтов один из наших информантов связал с такой особенностью, как многоуровневость народного разбирательства, когда автономно друг от друга разбираются дела в среде представителей различных возрастных страт. *В наших домах есть авторитетные, уважаемые старише. Часть вопросов они решают. Часть вопросов среднее поколение решает. И часть вопросов молодежь решает... миную всех, абсолютно по каким-то понятиям* [ПМА 1894: 58]. Если говорить о системе посредничества, принятой в молодежной среде, то речь здесь может идти о сугубо частных конфликтах, которые не затрагивают, например, межфамильных отношений и могут разрешаться без привлечения старшего поколения. Примером такого разбирательства может служить следующий случай. *Вот у нас недавно на свадьбе ребята... свидетелем был... по пьяне оскорбили друг друга. Один ударил другого... Назначили встречу. С той стороны пришли ребята уважаемые: криминал, полукриминал, не знаю... С той стороны и с этой. Встретились, поговорили. И обоюдно постановили: «Дай ему хорошо!» Ну, тот дал ему. Потом заставили пожать друг другу руки, поцеловались, похлопали по плечу и разошлись (смеется). На этом все. По сей день дружат* [ПМА 1895: 51].

Во-первых, важен сам факт функционирования в молодежной среде института посредничества. Во-вторых, несмотря на известную специфику медиаторского «молодежного» разбирательства, на котором основным вопросом является выявление виновной стороны и восстановление паритета, при его проведении, так же как и в традиционном разбирательстве, отсутствует такой аргумент, как силовое давление одной из сторон конфликта. *Бывает, что молодежь решает очень легко вопросы, которые сама может решить. «Я сильный, я могу побить того», — такого закона у нас нету... я не помню, чтобы было... Потому что за сказанное, содеянное ты будешь отвечать... по неписанному закону молодежи. С тебя спрос. Кого бы ты ни пригласил, авторитета, чисто крестьянина, ты должен за содеянное ответить. Если*

ты не будешь прав, никто тебе не поможет, абсолютно... Ты будешь наказан. Своими же даже. В таких делах, конечно же, сложно... сами могут решать молодежь проблемы некоторые [ПИМА 1894: 60].

Несмотря на то что самостоятельный характер молодежных разбирательств, так же как и в известной мере автономное положение молодежи по отношению к обществу, можно рассматривать в качестве приметы городского образа жизни, будет неверным говорить о том, что это явление возникло на городской почве. Наш информант, вспоминая, как в селении Члоу в советское время совет старейшин безуспешно решал конфликт, произошедший между двумя молодыми людьми — представителями двух фамилий, закончил рассказ следующими словами: *И приезжают еще разные ребята авторитетные из разных ближайших сел... тоже присутствуют. Потом сказали совету старейшин, этим старикам: «Дайте нам какое-то время, полчаса. Мы сами поговорим с ними, мы это решим». Они их завели в комнату, пообщались. Они вышли, поцеловались перед всеми и разошлись. Никто не знает, о чем поговорили [ПИМА 1894: 61–62].*

Вне зависимости от места своего проживания медиаторы являются продолжателями и носителями традиционных форм и методик посреднической практики. Приведем рассуждения нашего информанта, часто приглашаемого на примирения. Эти рассуждения касаются психологического воздействия одного из стандартных приемов, который он использует во время своей практики. *Наши абхазские обращения, когда начинаем разговаривать с человеком, задаем ему пару вопросов: фамилия, род, кто соседи? Он уже начинает сразу понимать, что попадает, потому что все-таки подсознательно, за исключением тяжелобольного, каждый человек знает, что он делает неправильно. И он, когда видит, что перед ним такой человек, который может его с (э)той позиции одернуть, что он там ничего не может сделать, он уже морально начинает ломаться [ПИМА 1847: 72].*

Тем не менее, несмотря на существующую в условиях города широкую возможность выхода на посредника, многие конфликты разрешаются именно при участии жителей квартального со-

общества. И это легко объяснимо, так как речь идет о конфликтах, развивающихся в среде соседского коллектива. Приведем один из примеров, который, с нашей точки зрения, весьма показателен в этом отношении, поскольку этот конфликт связан с сугубо внутренними «поселковыми» делами, которые не могут решать посторонние, не знающие ни его подоплеки, ни мотивации участников событий. Суть конфликта с позиции главных участников события сводится к следующему. Одна из жительниц квартального сообщества решила «женить» на себе попавшего под ее влияние молодого человека. При этом общественное мнение, не говоря уже о решении близких родственников молодого человека, складывалось неблагоприятно для брака, так как предполагаемая невеста пользовалась репутацией женщины легкомысленного поведения. Когда развитие событий дошло до кульминации, старший дома и его помощники сочли необходимым вмешаться и пригласили женщину на конфиденциальный разговор. *Ни одно кривое слово не сказали. Единственное, что мы сказали: «Ты в свое время не сберегла себя. Свою честь. Ты могла бы иметь этого прекрасного парня. Теперь Бог так сделал, что он тебе не достанется, потому что у него своя судьба. Ты не должна его губить»...* Похвалили: *«Ты умная девочка, ты должна сделать правильный выбор, если ты будешь это продолжать, ты будешь изгоем. Тебя никто не будет воспринимать в обществе. Зачем тебе это? Может, ты найдешь себе подобного, и у тебя будет счастливая жизнь, семья и т.д. Мы терпели столько времени, а теперь подошел момент, когда мы хотим сказать и потребовать, что так вести себя нельзя. Ты должна отойти от этого парня»* [ПМА 1896: 36]. Во-первых, отметим, что сами старшие дома рассматривали свое вмешательство как проявление традиционной работы медиаторов. *Этот разбор был сельский. Мы, не совсем старые люди, как старцы поговорили. Не унизили ее* [ПМА 1896: 36]. Инициатива провести разговор принадлежала именно старшим дома, так как близкие молодого человека, несмотря на свою чрезвычайную в этом заинтересованность, тем не менее к ним за помощью не обращались. При этом участники разговора с молодой женщиной не рассматривали свои действия

как «посягательство на чужие права» или как превышение своих полномочий. Высокая степень консолидации соседского коллектива позволила им также обозначить и возможную перспективу применения мер активного воздействия в том случае, если их требование останется не услышанным. *Не прекратишь, мы сделаем так, что ты жить здесь не будешь. И мать твою прогоним, и отца прогоним, и тебя прогоним* [ПМА 1896: 35].

В тех случаях, когда конфликтная ситуация уже не является сугубо внутренним делом жителей квартального сообщества, ее разрешением, как уже отмечалось, занимаются медиаторы, имеющие наибольшее влияние на участников противостояния. И здесь мы обратим внимание на такую специфически городскую их категорию, как представители криминального сообщества. Наш материал не позволяет рассмотреть этот вопрос с достаточной полнотой, тем не менее мы можем обозначить общие черты положения этой группы посредников по отношению к традиционному институту третейских судей. Как часто и по каким поводам обращаются к этой категории посредников? С точки зрения одного из наших информантов, обращение за помощью к представителям криминального сообщества объясняется тем, что их вмешательство удобно своей оперативностью и беспристрастностью. *Вот к нему пойдешь, они быстро (во всем) разбираются. Быстро и очень добросовестно и очень честно. И в итоге получается... и тому дают знать, что он... не то, что там угроза. Ему говорят: «Ну, ты виноват». И почему виноват, тоже объясняют. Разбирают так дело, что друзьями расходятся или врагами, но оба удовлетворены и претензии друг к другу нет уже, по этому поводу* [ПМА 1895: 48]. Этот же информант следующим образом прокомментировал вопрос разделения сферы компетенции народных посредников. *Если с кем-то у меня неполадки были, я к этому вору обращусь или авторитетному, потому что это быстро разрешится вопрос. А уже чисто житейское — кто-то разошелся там, кого-то помирить надо... скорее всего, обращусь к таким людям, как мой отец... Я интуитивно чувствую, куда податься* [ПМА 1895: 50]. Слова другого нашего информанта в целом созвучны сказанному. *И идут [к ним] немало. Но вот последний*

год-два, может быть, чуть меньше. Во всяком случае, уровень проблем, с которыми к ним идут... какая-то часть этих... Они отсеклись. Остались крупные проблемы: жизнь и смерть. А вот какие-то частные, сиюминутные... уже к ним не ходят, а раньше ходили. В частных моментах даже ходили [ПМА 1895: 13]. Есть и другая точка зрения, согласно которой горожанин не сможет со своей проблемой обратиться к криминальному авторитету за помощью, которая, скорее всего, говорит о недостаточной осведомленности человека или же о его нежелании говорить на данную тему. Простой [человек] туда даже... не допустят, они сами не поустят туда. Они сами по себе разбираются [ПМА 2011].

Такое явление, как включение посредников из криминального сообщества в контекст общественной жизни, непосредственно связано со следующим коренным вопросом — вопросом их авторитета в глазах населения, делающим их положение арбитров легитимным. Наглядным примером тому могут служить факты биографии известных в Абхазии в 1960-х годах братьев-близнецов Вани и Ванечки Авидзба, жителей селения Эшера. Братья Авидзба, согласно рассказам своих земляков, за свою жизнь не раз становились участниками громких уголовных дел, за что получали длительные сроки заключения, совершали дерзкие побег и заслужили авторитет в преступном мире. Более важным для нас в этой связи является то, что не меньший авторитет они заслужили среди населения и в первую очередь жителей их родного селения. *В народе у нас они, конечно, большую славу имели, вот даже такое сравнение маленькое было: когда президент идет, дорогу дают, а эти люди, где пришли, для них дорога была, даже тишина... такое влияние они имели* [ПМА 1960: 21]. Наши информанты, оценивая ситуацию адекватно, безусловно, не могли одобрить преступную деятельность этих людей, но, так как она была сопряжена с рядом важных обстоятельств, братья все же пользовались уважением. *Не то, что грабили, убивали, нет, справедливые. Когда мы говорим «справедливые», грабить, конечно, несправедливо, мы противоречим сами себе, но...* [ПМА 1960: 25]. Это «но» заполняется значимым для населения содержанием. В первых, братья были людьми большого личного мужества (они

были отчаянные на самом деле), что не могло не вызывать к ним симпатии. Самым популярным сюжетом из их жизни можно считать историю, когда один из братьев, находящийся на свободе, менял другого, сидящего в заключении, и таким образом давал ему возможность «отдохнуть на воле». Подмену совершали при свидании, во время которого не отличимые по внешности братья передевались.

При этом не было случая, чтобы в родном селе кто-то мог обвинить их в неблагоприятном поступке. Напротив, вся их деятельность, по словам наших информантов, была направлена на поддержку широкого круга родственников и знакомых. Они с должным пиететом относились к вопросам чести своей фамилии (*не дай Боже ихнюю фамилию если кто-то ущемил несправедливо*) и не игнорировали членов общины.

Очень важной для братьев оставалась патронажная функция, которая широко распространялась на жителей той территории, где они проживали. *Когда Ваня, Ванечка пришли в Новый район жить, Новый район отдыхал. Они [жители] спокойно спали* [ПМА 1960: 30]. Даже смерть одного из братьев стала следствием его попытки оказать помощь попавшему в беду человеку. Считается, что Ванечка был застрелен выстрелом сзади, когда занимался разрешением проблемы некоего молодого парня, проигравшего крупную сумму денег. Отметим, что влияние этих людей было настолько заметным, что во время войны 1992–1993 гг. существовала точка зрения, согласно которой армия Госсвета Грузии не вошла бы на территорию Абхазии, если бы братья к этому времени оставались живы. *К нам в первую очередь направили преступников. Когда появились преступники, в народе так сказали: если бы они были живы, эти преступники не зашли бы сюда. Вы учтите, что они близко были знакомы с этими Иоселиани, Китовани, это же преступный мир был. Не может быть, чтобы они не могли на них повлиять. Это сто процентов* [ПМА 1960: 30]. Впрочем, харизма этих людей, признаваемая в среде их однофамильцев, позволяет проецировать их влияние и на события сегодняшнего дня. *Сейчас в нашей жизни встречаются такие безобразия, а может*

быть, если бы они жили до сегодняшнего дня, таких безобразий, может быть, не было бы. Я так думаю [ПМА 1960: 22].

Возвращаясь к современным событиям, приведем точку зрения нашего информанта, которую он дает криминальным арбитрам, в основных положениях сопоставимую с характеристикой братьев Авидзба. *Насколько я знаю, уважающий себя авторитетный криминал... они у себя не воруют, по соседству, наоборот, защищают, свою улицу или параллельную улицу. Или вот район. Теперь как они делают. У простого обывателя... если не помогут, то никогда в жизни не помешают. Они могут взять, залезть в квартиру, угнать машину у того, кто, скажем, государственный чиновник. Если он правильный вор в законе [ПМА 1895: 47].*

Следует иметь в виду, что при всем возможном уважении, которым могут пользоваться криминальные лидеры, руководствующиеся в своей жизни законами «справедливости» (что, собственно говоря, позволяет им в глазах населения выполнять функции арбитров), никто из наших информантов не рассматривал эту категорию людей в качестве прямых наследников традиционного морально-этического кодекса абхазов. *По законам апсуара живут старики, как мой отец. А те... закона апсуара там нету [ПМА 1895: 49].* Но по этому вопросу интерес представляет точка зрения самих представителей криминального мира. По мнению нашего информанта, знакомого с ней, они не только не отделяют себя от абхазского культурного наследия, но и позиционируют себя как прямых наследников исконного абхазского образа жизни. *Криминал говорит: «А вот это тоже то настоящее абхазское, что мы исповедуем». Они ведь на самом деле пользуются всем абхазским... Вот мы, вот наша вера, вот наша психология, вот наши поступки. И приводят кучу разных примеров из действительной жизни, из древней жизни... Они пользуются всем абхазским. Они здорово выучили. Удивительно! [ПМА 1895: 12].* Одним из таких примеров, как следует правильно жить, как следует относиться к достоинству человека, к хлебу-соли, даже если ты грабишь, является история о том, как в постмахаджирский период группа абхазских грабителей напала на двор богатого армянина. Обита-

телей дома связали, а их добро стали грузить на хозяйских же лошадях. Когда уже покидали дом, один из молодых членов банды взял что-то со стола (семья армянина до этого ужинала) и съел. *И старший возвращается, видит это. «Что ты сделал? Ты же понимаешь, что весь наш труд испортил. — Как? — Ты хлеб-соль съел, возвращай все назад». Все добро вернули... это факт, фамилии называются, ихние предки... И он отишлепал этого молодого. Они развязали всех, выпили с ними по стаканчику и разошлись. И эту историю они рассказывают. Вот, говорят, мы так живем* [ПМА 1895: 19–20].

Представителями криминального сообщества апсуара декларируется как главный закон жизни абхазов, они подчеркнуто уважительны со стариками, это люди, для которых дела и проблемы их фамилий всегда стоят на первом месте. При этом позиционируемый образ жизни имеет отношение лишь к совершенно определенной части криминального сообщества — ее элите, именно тем, кому приходится выступать в роли арбитров. *Но там надо четко различать, там есть люди, которые самый верхний эшелон — судьи, или как они их называют, которые решают конфликт. Я о них говорю. А эта мелюзга, которая ниже, она грубаязычная, она ничего не понимает. Но вот эти люди, которые вершат... они удивительные на самом деле. Они разрушат любое сознание* [ПМА 1895: 13].

Позиционируя себя как носителей абхазского образа жизни, арбитры криминального сообщества прекрасно владеют арсеналом традиционного ораторского искусства, проводя свои разбирательства, по мнению нашего информанта, не только не нарушая норм этикета, но и демонстрируя виртуозное их знание. Завершая этот сюжет, приведем фрагмент подобного разбирательства. *И вышел вот этот парень, моего возраста, и стоят старшие. С одной стороны старшие, с другой стороны... т.е. была попытка решить на уровне старших — не вышло. И позвали его... И вот стоит одна фамилия, и вот стоит другая фамилия. И у них еще куча родственников, которые тоже представляют фамилию. Проблема была очень тяжелая. И он вдруг начинает говорить. Извиняется перед этой фамилией, перед этой, что ему прихо-*

дится вместо таких уважаемых людей самому решать эту проблему. И он еще раз переспрашивает — все ли согласны с этим, что он будет решать эту проблему. Если никто другого мнения не имеет, просит его извинить, что он должен удалиться и решить эту проблему. И он такой оратор! Я смотрю: стоит древний абхазец и разговаривает! (Смеется.) Он всех там покорил. И он решил проблему. Непримиримых людей... они через полчаса поцеловались, обнялись и ушли. И сейчас дружат... Это сила логики, сила слова, сила убеждения [ПМА 1895: 16–17].

В заключение рассмотрим еще один сюжет, связанный с таким явлением традиционной общественной организации, как фамильная солидарность. В современных условиях одним из наиболее заметных внешних проявлений этого института является сход однофамильцев, который проходит у представителей различных фамилий с той или иной степенью регулярности. Вопросы, выносимые на обсуждение во время проведения схода, касаются организационных мероприятий и наиболее актуальных проблем фамилии. Одной из таких проблем, которая в последнее десятилетие становится все более очевидной, является проблема молодежи. *Первый вопрос, то, что мы обсуждаем, это состояние молодежи на сегодняшний день... которые заблудились в этой жизни [ПМА 1894: 33].* С точки зрения большинства наших информантов единственно надежным способом социального контроля молодежи является правильное воспитание в семье, где ребенок получает необходимые трудовые навыки и в органичной форме воспринимает нормы морально-этического кодекса апсуара. Однако в настоящее время семья как традиционный социализирующий институт претерпевает существенные трансформации. Одна из основных причин этого негативного процесса связана с последствиями войны и экономической блокады, которые негативно повлияли на процесс воспитания молодежи. При этом следует иметь в виду, что каждое фамильное сообщество болезненно воспринимает факты негативного поведения со стороны отдельных своих представителей, тех, кто порочит родовое имя перед лицом абхазской общественности. Большие надежды в решении этой проблемы возлагаются на потенциал института фамильной

солидарности как стабилизирующего фактора, способного оказывать должное воздействие на дезориентированную и вышедшую из-под семейного контроля часть молодежи. В этой связи особое положение занимает город, где молодежь находится под гораздо более сильным негативным влиянием внешних обстоятельств, чем в селе. Рассмотрим одну из возможных форм социального контроля молодежи, непосредственно связанную с проявлением фамильной солидарности. Речь идет о регулярных встречах в Сухуме мужской молодежи одной из абхазских фамилий. Так как в городе проживает много однофамильцев из различных районов Абхазии, то Сухум стал своего рода центром объединения членов этой фамилии. Встречи проходят регулярно и собирают главным образом однофамильцев, проживающих в городе. Проходят они в неформальной обстановке, как правило, в так называемой апацхе — ресторане национальной кухни. *При этом, все почти каждый день или через день в городе... общаются и информацию друг другу передают. И потом, эта такая удобная получается форма... Там нету... обязательств. Вы приходите, если посчитаете это нужным... требуется вам общение со своими. Ай-бабара — видеть друг друга, общаться. При этом приходят со своими друзьями. Или с теми, у кого матери нашей фамилии. Они тоже хотят знакомства... Настолько сблизились, что уже и не нужно отдельно встречаться, потому что они каждый день... Теперь надо определить более широкий круг, выявить тех, кого мы еще не знаем... Это в основном горожане. Но бывает, что приезжают из деревень, потому что здесь все в принципе рядом. Сейчас связь... Если машина есть... набиваются и едут. Смотри, конечно, какие вопросы решаются [ПМА 1894: 82–85].*

Общение друг с другом — не единственная цель этих встреч, на них могут затрагиваться связанные с жизнью в городе различные вопросы, в решении которых заинтересованные лица могут рассчитывать на помощь своих однофамильцев. *Но самое главное — собрать молодежь — перезнакомить всех между собой и снимать конфликтные ситуации. Потому что все-таки понятно: молодой человек... и у нас довольно-таки... агрессивная среда, и это удастся, тьфу, тьфу, тьфу, пока удастся [ПМА*

1894: 83]. При этом для решения тех или иных возникающих проблем участники регулярных встреч однофамильцев имеют необходимые средства. *У нас уставной капитал. На непредвиденные случаи: кто-то залетел, кто-то попал в аварию, экстренная помощь нужна* [ПМА 1895: 53]. *У нас даже две кассы, одна общесемейная и еще есть касса, которую молодежь отдельно собрала... И мы каждый месяц там откладывали определенную сумму денег, кто по тысяче, кто по пятьсот, кто прислал сразу десять, кто-то с извинениями, что отсутствует, сразу прислал сорок. Он, скажем, в Москве живет или в Питере. Ему приятно слышать, что молодежь отвечает за своих сестер, за своих молодых. Могут попасть в разные конфликтные ситуации, разные социальные проблемы. И надо помогать решать их* [ПМА 1894: 84]. Важно отметить, что инициатива проведения регулярных неформальных встреч молодых представителей фамилии принадлежала людям старшего поколения, пользующимся доверием молодежи и принимающим участие в этих собраниях. Как отметил один из наших информантов, тех, кого молодежь будет слушать. *Хотя он молодой, но полномочия главы... он может собрать совет старейшин, собрать молодежные организации... Он направляет молодежь в правильное русло. Сегодня активная эта молодежь у нас* [ПМА 1894: 38]. Или другое сообщение об участниках этих собраний: *Какая-то группа молодежи, я у них тоже... как чуть старше, чем они... там присутствовал. Они хотели, чтобы я присутствовал* [ПМА 1894: 84].

Таким образом, представители «связующего звена» оказываются в курсе основных проблем, возникающих в молодежной среде, и могут принять участие в их обсуждении и решении. *Не совсем самостоятельно, вот этот наш главный... он в курсе. Он все это знает и он, если не каждый раз... когда встречается молодежь... Он через раз присутствовал всегда обязательно* [ПМА 1894: 84].

В итоге отметим наиболее, с нашей точки зрения, важные положения.

1. Абхазы-переселенцы, оказавшись в новой для себя городской среде, воссоздали привычную для них модель сельского

территориального сообщества. Практически все городское население состоит из микрообщин, которые оказывают друг другу помощь в реализации социальной жизни сообщества. Одним из примеров такого взаимодействия может служить система организации сил резерва в послевоенном Сухуме. Способность к самоорганизации, которую продемонстрировало абхазское городское население, есть показатель высокой степени адаптивности абхазского общества. По словам нашего информанта, эта способность к самоорганизации и взаимной поддержке без лишних затрат сил и средств есть принципиальная схема устойчивости абхазского общества [ПМА 1832: 17–18].

2. Говоря о влиянии сельского компонента населения Сухума, следует иметь в виду, что речь идет о целом комплексе устоявшихся норм, правил осуществления обрядовой практики, поведенческих стереотипов, сложившихся в сельской среде и перенесенных на городскую почву. При этом влияние традиционных сельских институтов на современный город есть лишь одна из сторон интенсивного взаимосвязанного процесса, в котором город и село выступают практически равноправными партнерами. В свою очередь городской образ жизни является своеобразным эталоном, которому представители сельской среды следуют в различных сферах своей жизни. Столица Абхазии и ее сельская периферия находятся в постоянном тесном контакте. Можно наблюдать значительные миграции сельского населения в поисках работы в город и возвращение значительной ее части обратно в села. Большинство работающих горожан и студентов регулярно возвращаются в родные села на выходные для оказания помощи родственникам в различных сельскохозяйственных процессах и принимают непререкаемое участие в обрядах и праздниках. В этих условиях сложившийся в городе сценарий обрядовых практик в качестве образца проецируется на село, значительно ускоряя процесс трансформации традиционной обрядности.

3. Говоря о традиционном медиаторском суде, следует отметить, что это явление в равной степени характерно как для сельского, так и для городского населения. Однако в условиях городской среды этот институт претерпевает значительные из-

менения. В качестве явной тенденции трансформации института народного посредничества, в первую очередь в городской среде, можно выделить то обстоятельство, что возраст народных судей, безусловно, уменьшается. Характерной особенностью городского медиаторского суда является факт участия в этом процессе посредников, принадлежащих криминальному сообществу, элита которого в случае необходимости проводит разбирательства, используя принципы и приемы традиционного ораторского искусства. Также можно говорить о значительной автономности посреднической практики в среде современной городской молодежи.

Библиография

Возба А. Хаджарат Кяхба. М., 1991.

Инал-Ипа Ш. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960.

ПМА — Полевые материалы автора.

1. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1832.
2. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1847.
3. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1893.
4. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1894.
5. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1895.
6. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1896.
7. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1960.
8. Поездка в Абхазию в 2011 г.